

Идрис Шах

Сто рассказов мудрости

Идрис Шах

Сто рассказов мудрости

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах И.

Сто рассказов мудрости / И. Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-037-5

До сих пор неизвестная в России, эта книга в течение семисот лет использовалась в качестве инструмента для развития проницательности и сверхчувственного восприятия в духовных школах по всему миру. В наше время она ничуть не потеряла своей волшебной силы, так как в ней собраны эпизоды из жизни Руми, святого и учителя, которые дают возможность обучения через действие. Кроме того, в особой последовательности здесь расположены истории, рассказанные самим Руми, и отрывки из его поэм. Все тексты подобраны таким образом, чтобы сознание читателя воспринимало их в непривычном нелинейном режиме. Перевод с персидского сделан суфийским мастером Идрисом Шахом.

ISBN 978-5-91051-037-5

© Шах И.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Детство и юность Руми	5
Фигуры в зеленых плащах	7
Сеид Бурхануддин передает Руми сокровенное видение	8
Монахи Земель Сис	9
Появление таинственного Шамса Тебриза	10
Учение сеида Бахауддина	11
Видение Шамсуддина ⁴	13
Пытующий сокровенные сокровища	14
Учитель из Тебриза исчезает	16
Явление шестерых и цветы	17
Духи и светильник	18
Тайный поход на битву	19
Богатый купец и дервиш с Запада	20
Горящие глаза	22
Книги и скрытый в книгах глубокий смысл	24
Мистический танец	25
Путь	26
Попугай и лысый	27
Ссора	28
Ученый педант и колодец	29
Дервиш и верблюд	30
Осел	31
Житейское несчастье	32
Почетное место	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Идрис Шах

Сто рассказов мудрости

Детство и юность Руми

Рассказывают, что, имея только пять лет от роду, Мевляна (наш господин) Джалаледдин вскакивал, бывало, и стоял у себя в кроватке в крайнем смятении – внезапно ему представало виденье; ему являлись персоны духовного сонма: Гавриил, Дева Мария, Авраам. Когда на него нападало то состояние, ученики его отца обычно его «унимали». Отец, святой Бахауддин Валад, дал ему прозвание «Тот, кого изваял Бог». Мевляна родился в Балхе (Афганистан) в 6-го раби-ал-аввал в 604 г. от года хиджры.¹ Шейх Бадруддин Накаш ал-Мавлави повествует: «Слышал я от султана Валада, что он видел запись в рукописаниях святого Бахауддина Валада, сделанную собственной его достославной рукой, содержащую рассказ, что когда Джалаледдину Руми только и было что шесть лет от роду, он однажды играл на плоской крыше своего дома с некоторыми из сверстников. В разгаре игры один из мальчиков, наверное, предложил прыгать с крыши на крышу. Передают, Мевляна сказал, что затеи, вроде этой, не более чем игры кошек и собак, так что стыдно им заниматься забавами ничтожными. "Давайте взлетим на небо и повстречаемся с ангелами!", – вскричал он. С этими словами он исчез на глазах у своих маленьких товарищей. Сбитые с толку мальчики подняли суматоху, отчего все и узнали об этом эпизоде. Через несколько минут он снова появился, бледный и чуть испуганный, и сказал: "Пока я с вами говорил, люди, одетые в зеленые плащи, сошли ко мне с неба, и подняли меня в воздух, и пролетели со мной по небесным кругам, и тут я услышал вашу суматоху и тревогу, которые вы подняли из-за моего полета, и эти создания вернули меня обратно к вам". Уже в столь раннем возрасте, подобно многим святым праведникам, он обычно ел только раз в три-четыре дня или раз в неделю».

Другое предание повествует, что святой Бахауддин Валад, отец Мевляны, говорил, бывало, что сын его «высокого рода, сущий князь, поскольку его бабка Шумсул Аимма -дочь Шумсуддина Саракши, сеида (т.е. потомок Пророка Мухаммада), которую кровные узы родства связывают с Великим халифом Четвертым – Сиедней Али; а его мать была дочерью Хваразма Шаха, правителя Балха». Таким образом, как в физическом, так и в духовном смысле, он (Мевляна) имел высокородных предков.

Как сообщает другое повествование, Мевляна говорил, что с семилетнего возраста он часто произносил строки из Корана², гласившие:

Всеми благами тебя одарили Мы,
К Господу обрати же молитвы свои
и жертву принеси.
Враг твой наверняка тот, кто лишен блага,

И обыкновенно отчаянно плакал, обращая свое созерцание на эти строки, «пока Господь не ниспослал Свой свет в мое сердце, и Голос не возгласил мне: "Во имя Нашего Величия, о Джалаледдин, отныне и впредь не подвергай себя чрезмерной тяжести духовного напряжения, ибо для тебя дверь Сияния уже открыта". И таким образом я приношу несметную благодарность за то, что могу озарить светом познания тех, кто мне встречается».

¹ Что соответствует 30 сентября 1207 г. христианской эры. – Прим. авт.

² Сура 108 «Изобилие» (Перевод Корана Валерии Прохоровой). – Прим. ред.

Стих: Подобно струне духовной лиры стало все мое существо, с тех пор, как рука Мастера тронула главный фибр души, – огромные препятствия я одолел и тем сделал Путь легким для моих друзей.

Фигуры в зеленых плащах

Передают далее, что спустя два года после смерти отца Мевляна не замедлил перебраться в Сирию, чтобы завершить свое ученичество на духовном и материальном кругах знаний, и это было его первым путешествием в Алеппо, где он водворился в семинарии, известной под названием Халавия. Туда приходили к нему на поклон ученики его отца и пеклись обо всех его нуждах. В этом городе он оставался долго, Камалуддин Адим, бывший в то время главой города Алеппо, – муж благочестивый и знающий – стал последователем Мевляны и частенько к нему навещался. Глава города имел особенную привязанность к Мевляне, потому что знал, что тот сын великого духовного светоча своего времени, и еще потому что Мевляна был достопримечателен в стяжании знания. Наставники Мевляны обычно уделяли отдельное внимание его урокам, так что другие соученики весьма завидовали успехам Мевляны в постижении божественных книг.

Как известно из другого повествования, глава школы часто жаловался правителю города Алеппо, что Мевляна нередко исчезал из своей комнаты в полночь. Градоправитель Камалуддин потерял покой из-за этих повторных известий о ночных исчезновениях Мевляны. И он твердо решил выяснить, что там было на самом деле. Однажды ночью, когда пробило полночь, заметили, как Мевляна выходит из школы, и Камалуддин крадучись пошел вслед за ним. Когда они добрались до городских ворот, ворота сами отворились, и Мевляна, выйдя за пределы города, беспечно зашагал по направлению к мечети Авраама Халилур Рахмана. И вот Камалуддин увидел перед собой здание с белым куполом, полное странных человеческих фигур в зеленых плащах. Лицезреть сонм им подобных Камалуддину в жизни не доводилось. Он увидел, как эти странные нездешние люди творили земные поклоны Мевляне. Зрелище оказалось превыше его сил, и градоправитель пал без памяти и пролежал в бессознательном состоянии далеко за полдень этого дня. Когда он очнулся, то не обнаружил ни здания с куполом, ни собрания людей, бывших там ночью. В расстройстве ума скитался он по пустыне в течение всего дня, пока его не обволокла ночная тьма. В таком состоянии духа он оставался два дня и две ночи. Поскольку воины городской стражи не видели градоправителя целых два дня, они, конечно, встревожились о безопасности начальника. На его розыски пустился отряд, руководствуясь тем указанием, что несколькими днями раньше Камалуддин справлялся в школе насчет ночных хождений Мевляны и, вероятно, последовал за ним, когда тот направился к наружным городским воротам. Стремглав стражники полетели к воротам и рассеялись по пустыне за пределами города, и один из них за день исскакал всю пустыню в поисках Камалуддина. Случайно он заметил Мевляну, тоже бредущего окрестностями, а Мевляна, имея предугадание того, что они ищут, велел им идти к мечети Халила.

После долгих розысков поисковый отряд нашел правителя в состоянии истощения, томимого жаждой и усталостью. Его напоили и накормили. Вернувшись к жизни, он спросил у своих людей, кто сообщил им, где он обретается; в ответ на это ему было сказано, что человеком, кто уведомил о месте его пребывания, был Мевляна. Камалуддин, ни слова не сказав своим воинам о том, что он пережил, сел верхом и отправился назад в Алеппо.

Под сильным впечатлением от увиденного градоправитель задал пир в честь Мевляны, на который явилось великое множество народу, и ненавистники Мевляны были посрамлены. Но видя, сколь огромное число людей к нему приходит, не имея притом желания прослыть столь широко, Мевляна отправился на юг в город Дамаск. А поскольку Султан Азизуддин Руми Бадруддин Яхья, глава города Дамаска, уже писал Камалуддину, градоправителю Алеппо, приглашая Мевляну в свои пределы, то и принял его (Мевляну) с большими почестями. Камалуддин из Алеппо уведомил также градоправителя Дамаска обо всем, что стало ему открыто о духовных достижениях Мевляны во время пребывания последнего в Алеппо.

Сеид Бурхануддин передает Руми сокровенное видение

Повествуют также, что шейх Салахуддин, да будет Бог им доволен, сказал, что довелось ему (шейху) один раз пребывать в присутствии святого Божественного сеида Бурхануддина, и умонастрой был на созерцание, когда святой, говоря о Мевляне Джалаледдине Руми и превознося его превосходство в сфере мистических знаний, сказал: «Когда я знавал дни превеликой славы, когда был ученым наперсником³ султана, двадцать и более раз, взяв юного Мевляну к себе на плечи, в мистической обстановке «возвышения духа» я восходил на наивысшее небо, и таким образом он (Мевляна) взошел на столь неоспоримую ступень сокровенного проникновения, и на сей счет он немало обязан мне». Когда этот рассказ дошел до Мевляны, он заметил: «Это было так, и воистину еще сто тысяч раз так. Моя благодарность этому роду несметна».

³ Атабек – воспитатель наследного принца в эпоху Сельджукидов. – Прим. пер.

Монахи Земель Сис

Передают также со слов шейха Синануддина Ак-Шахри Кулахдоза – а он человек значительных духовных достижений, – что когда Мевляна был на пути в Дамаск, и караван достиг земель Сис, путники раскинули шатры в местности, в которой обосновались некие эксцентричные монахи, упражнявшиеся в сверхъестественном искусстве магии, особенно же, посредством магических знаний и волхвований, предсказывавшие грядущее. Волшба их приносила хороший доход.

Едва завидев Мевляну, они, желая произвести на него впечатление, заставили одного юнца подняться в воздух и повиснуть, стоя меж небом и землей.

При виде этого Мевляна склонил голову в созерцании. В тот же миг юнец закричал, чтоб его вызволяли из этого выпрессованного положения, а не то он умрет со страху перед человеком, погруженным в богомыслие. Монахи криками велели ему спускаться. Он говорил: «Я не могу спуститься, я чувствую, как будто меня пригвоздили». Какое волшебство и чары ни пробовали монахи, чтобы свести юнца на землю, ничего не действовало. Так он вверх и висел. Поняв, что все их искусство сведено на нет, монахи припали челом к стопам Мевляны и, испрашивая прощения, преклонились с мольбой, чтобы он не покидал их на произвол судьбы. Мевляна ответил, что это невозможно, пока не провозглашена священная формула: «Свидетельствую, что нет Бога кроме Бога, и свидетельствую, что Пророк Мухаммад – слуга его и посланник». Юнец произнес этот стих и в тот же миг спустился на землю. Видя эту манифестацию, монахи так же, как и юнец, стали молить Мевляну, чтобы тот разрешил им сопутствовать ему в странствиях; но Мастер пожелал, чтобы они остались, где были, и сказал, что им просто надлежит посылать ему благие пожелания и творить за него молитвы. Таким образом, перед ними разом открывалось и мирское и духовное поприще, и в том глухом углу земли они обратили себя к тому, чтобы творить благо всем, кто бы ни миновал их края.

Появление таинственного Шамса Тебриза

Когда между тем Мевляна прибыл в Дамаск, ученые мужи и прочие вельможи приняли его с должными почестями и расположили его в медресе Мукадаса – священной семинарии – и он пылливо обратился к стяжанию дальнейших знаний на религиозном поприще. Он пробыл в Дамаске семь лет. В ту пору был он сорока лет от роду.

Рассказывают, что однажды Мевляна прогуливался в садах Дамаска и тут увидел странного на вид человека, явившегося из толпы. Одетый в долгополый кафтан из черного войлока и покрытый своеобразным головным убором, он являл собой личность, непохожую на прочих людей. Оказавшись возле Мевляны, он приложился устами к его рукам и сказал: «О ты, мастер пробы, пытающий золото на оселке мудрости, испытай меня и узнай мою пробу!» В людской сутолоке он тут же затерялся в толпе: а был это Мевляна Шамс Тебриз. Наш Мевляна искал его, но тот исчез, будто его и не было.

Учение сеида Бахауддина

Спустя какое-то время Мевляна Джалаледдин отправился в путешествие в Рум (азиатскую часть Турции) и по его прибытии в Кайсарию с почестями был принят местным вельможеством. Сахиб Исфакхани хотел предоставить ему гостеприимство в своем доме, но сеид Бурхануддин заявил, что обычай Мевляны – всегда останавливаться в медресе. Одолеваемый множеством людей, искавших у него просветления, Мевляна спасался в уединении, замкнувшись в своей комнате. Прозрением осознав эту созерцательную сторону Мевляны, великий святой (сеид Бадруддин) сказал Мевляне, что теперь он должен искать в созерцании близости с ним (Бадруддином) и от него воспринять знание божественных и сокровенных манифестаций, поскольку впредь ему (Мевляне), с Божьей милостью, надлежит для того посещать покровительствующего святого. Мевляна, подметив внутреннее томление и жажду великого святого сеида Бахауддина, сел у ног Наставника для дальнейшего просвещения.

В качестве первого урока сеид велел Мевляне семь дней держать пост, но тот ответил, что семи дней слишком мало, что он предаст себя посту и созерцанию на сорок дней, и всецело себя вручает умосозерцательному обществу этого светоча среди мудрецов, Бадруддина; и все, что он ел за это время, это несколько ячменных лепешек, а вместо завтрака пил лишь глоток воды. Предаваясь этой духовной практике, он прозрел неведомые круги со всеми их тайнами, затворясь, как он был, в келье своего созерцания.

По свершении сорока дней поста, когда святой сеид Бадруддин вошел в келью Мевляны, он увидел что тот глубоко ушел в размышление, как если бы воспарил умом в вышние круги Небытия, ибо *«все, что ни есть во вселенной, это только то, что есть в твоём собственном Я, – ищи в своем Я, чего бы ты ни искал, ибо все есть ты»*.

Застав Мевляну опять в состоянии созерцания, он предоставил его этому положению, рассудив, что Мевляна хочет блюсти еще один сорокадневный пост. По истечении второго сорокадневия святой вошел в келью Мевляны и увидел его стоящим на молитве в слезах, орошавших щеки. Тот, кто с таким усердием предавался благочестивому созерцанию, даже не заметил вошедшего к нему в затвор. Святой сеид вновь ушел прочь и предоставил Мевляне завершать третье сорокадневное бдение.

По истечении времени вне себя от страха за здоровье Мевляны святой сеид с размаху распахнул дверь в затвор, Громко изъясняя свою тревогу. Тут святой увидел, как Мевляна появляется из своей кельи с улыбкой на устах и умиротворением на лице. Глаза его были как две «реки радости», и он произнес строки: «Узри в двух этих наших зрачках отраженье небесного Любимого нашего – узри же здесь и образ Господина нашего в танце».

Оценив непреложную ступень просветления, которой достиг Мевляна, святой обнял его и сказал: «Ты был мудрейшим из мудрых в помышлении о всех сводах нравственных правил жизни, как и о всех сферах духовного бытия; но ныне ты проникнул тайну того, что есть самая сердцевина сокровенной жизни, и достиг ступени постижения, которой вполне могли бы позавидовать святые и праведники прошлого; и я полон благодарности, что споспешествовал тебе в достижении этой стадии чистоты и добродетели». Вслед за этим он велел Мевляне взойти на поприще просвещения людей и возжечь огонь божественной любви в сердцах искателей истины. Вот так и случилось, что Мевляна направился в Конюю и стал преподавать сокровенное мистическое учение. С той поры он повязывал свой тюбан на арабский манер и носил свободное одеяние с широкими рукавами, на тот фасон, как было принято у ученых мужей древности.

Спустя какое-то время святой сеид Бадруддин был вознесен в рай, и Мевляна отправился в Кайсарию, чтобы помолиться о его душе, вскоре после чего вернулся в Конюю. Как раз в

это время предводитель всех дервишей Мевляна Шамс Тебриз во второй раз предстал перед нашим Мевляной.

Кроме того, говорят, что Мевляна Шамс Тебриз был учеником шейха Абу Бакра Тебризи, который был корзищиком. Этот шейх был повсеместно известен своей святостью и глубоким мистическим проицанием. Великие духовные и мистические достижения Мевляны Шамса Тебриза поднялись, однако, на такую превосходную высоту, что он, Шамс, желал «возлетать выше и выше», чтобы достичь наивысших пределов и сокровеннейших кругов мистицизма. Взыскую эту цель, он годами бродил по свету, и его прозвали Шамсуддин-Бродяга.

Видение Шамсуддина⁴

Однажды ночью Шамсуддин испытывал великое душевное отчаяние, восплакав о своем внутреннем томлении, и впал в состояние ума, вызванное мистическими чувствами, и тогда взмолился самым истовым образом: «О Боже, дай мне увидеть одного из Твоих великих святых и приведи меня к одному из тех, кого Ты любишь». В ответ на это Шамсуддину было дано наитие свыше, что тот, кого он искал, есть сын предводителя ученых мужей, некоего Бахауддина из Балха. «Покажи мне, о Боже, – молился Шамсуддин, – лицо этого человека». У него было спрошено, с чем он готов расстаться в благодарность, на что Мевляна Табриз ответил, что готов за это отдать свою голову, ибо дороже жизни нет у него ничего. И голос достиг его внутреннего слуха: «Иди в страну Рум, там ты найдешь цель своего искания». Исполненный веры и огромной любви, Шамсуддин Тебриз направился в Рум. Одни говорят, он прибыл в Рум из Дамаска, другие утверждают, что прежде он снова вернулся в Тебриз, а оттуда отправился в Рум.

⁴ Шамсуддин – полное имя Шамса. – Прим. ред.

Пытующий сокровенные сокровища

Когда, в конце концов, он добрался до Кони, то поселился в комнате на улице Сахарчигов. На дверь нанятой им комнаты он навесил богатый замок, а ключ увязал в уголок пышнотканого тюрбана так, чтобы люди почитали его каким-нибудь богатым купцом. На самом деле, он обыкновенно жил в другой комнате, где была лишь соломенная подстилка, полуразбитый глиняный горшок и служивший подушкой кирпич, да еще мерка ячменных отсеков недельной давности, которые он замачивал обыкновенно в воде и пил как единственное средство поддержания жизни.

Сообщают также, что однажды, когда Предводитель мудрых – Шамсуддин Тебриз – сидел у ворот постоялого двора, он увидел Мевляну Руми верхом на быстроногом верблюде, и появился тот со стороны улицы Зеркальчигов. Школяры и ученые мужи пешим ходом сопровождали Мевляну, идя рядом с его верблюдом. Мевляна Шамсуддин Тебриз подбежал, схватился за уздечку верблюда Мевляны и сказал: «О ты, пытающий сокровенные сокровища, скажи, кто более велик: Пророк Мухаммад или Абу-Язид?». Мевляна сразу же ответил: «Нет, нет – Мухаммад, посланник Божий, куда как более велик, ибо он Предводитель пророков и святых», - и процитировал стих:

Счастлива страна наша,
и принести себя в жертву – наш долг,
Предводитель нашего каравана – Мухаммад,
и он – слава мира.

Но Шамсуддин опять спросил: «Что значат слова Пророка Мухаммада, сказавшего "Хвала Тебе, удостой нас Своего сияния", и слова Абу-Язида, сказавшего: "Да будет хвала, велик мой сан, и я – царь царей"?»

Как только Мевляна услышал это от Мевляны Шамса Тебриза, он сошел с верблюда, испустил крик и впал в беспамятство. В таком состоянии он пробыл целый час, вокруг пребывавшего без сознания мудреца бурлило людское море; и когда он очнулся, то ответил Мевляне Шамсу, говоря: «"Жажда" Абу-Язида утолила одна-единственная чаша, и меру его вместимости наполнил один глоток, и узкая щелка в двери его разума могла впустить лишь малую толику сияния Бога; между тем как "жажда" и вместимость Пророка Мухаммада были бездонны и его ярое желание Божьей благодати безмерно, и -как было сказано в Коране: "Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь?.." – это означает, что Бог идет навстречу рабам своим, -и мера Его безмерна; стало быть, томление и желание Пророка было бесконечно большим, нежели у Абу-Язида. Поистине, "благоухание томления по Божественной любви" рождается от великой "жажды"». Сказав это, Мевляна отправился обратно в семинарию вместе с Мевляной Шамсом Тебризом и ушел вместе с ним в созерцательный затвор, где они оставались в уединении сорок дней; но некоторые говорят, они пребывали в созерцательном состоянии три месяца.

Кроме того, повествуют, что Мевляна сказал: «Когда Шамс Тебриз задал мне тот вопрос, в темени у меня раскрылось нечто вроде окна, и воспарение изошло оттуда в небо».

Этот удар узнавания, вызванный Мевляной Шамсом Тебризом и его вопросом, привел к тому, что наш Мевляна перестал на время давать лекции в семинарии, равно как и не стал временно читать проповедей, но все свое глубокое прозрение обратил в тайны мистического учения; и он написал следующие стихи:

Подобно звезде Утарид [Меркурий],
элементы моего существа рассеялись врозь;

хотя в это время я мирно сидел – но когда
узрел я тайнопись на челе виночерпия, я
опьянел и сломал свой *калам*⁵ в экстазе.

⁵ Калам (араб.) – тростниковая палочка с косо срезанным концом, острая сторона которого затачивалась, еще раз срезалась и расщеплялась посередине; использовалась для письма. – Прим. ред.

Учитель из Тебриза исчезает

Сообщают, кроме того, что когда эта близость двух искателей сокровенного знания пре-
взошла все границы. Тех, кто раньше стал последователями Мевляны, забрала ревность и
они зароптали: «Кто он такой, этот новоявленный, чтобы так захватить все время и внимание
нашего наставника?» И тогда Мевляна Шамс взял и исчез. Целый месяц его искали, но где там
было его найти! Никто и не знал, куда он пропал. С того времени Мевляна Руми завел себе
особого вида шапку и нечто вроде длинного архалука⁶, распахивающегося спереди до самого
низу, и это было так, как было заведено одеваться у древних мудрецов. Кроме того, он заказал
себе лютню, у которой имелось шесть струн и шесть бочков в нижней ее части. Прежде же
инструмент имел только четыре сторонки. Что до того, чтобы сделать лютню о шести бочках,
он объяснил это так: «Наша лютня о шести бочках, потому что каждая сторонка представляет
одну сторону света, и прямонатянутые струны, каждая изображает Алеф, первую из арабских
букв, а эта буква – первая в имени Аллаха, и Алеф – это дух души». «Таким образом, – добав-
лял он, – прослышьте Алеф Аллаха сквозь струны, если у вас отверзнут слух сердца, и про-
видьте отверстым зрением души имя Аллаха в том Алефе – в прямых чертах струн».

После этих слов влюбленных через край переполнила музыка души, и они впали в гро-
могласные экстатические восторги: так что, сильные и слабые, ученые и неучи, мусульмане и
немусульмане, люди всех народов и стран прибегли к милости и вниманию Мевляны, и стали
его приверженцами, и читали вслух мистические стихи, и пели песни сокрытого смысла. Так
они делали днем и ночью. Но завистники и отступники от мистического знания осуждали эти
практики и говорили: «Что это такое, что происходит – странные какие-то манифестации!»

Люди имущие и праздные, и даже некоторые из царского рода, кто из-за напряженной
практики созерцания и упражнений оккультных бросили свою прежнюю жизнь в роскоши,
столь сильно подвергались воздействию, что даже повреждались в уме – на взгляд здравомыс-
лящего простолюдья. Один князь, по причине чрезмерных духовных упражнений и впаде-
ний в мистический транс, внешне сделался сумасшедшим, а те неверные, кто хулили Пророка,
сходили с ума по-настоящему. Все это было, конечно, благодаря влиянию Мевляны Шамси
Тебриза... Как сказал Пророк, «никто не сможет обрести в своем сердце истинной веры в Бога,
пока люди от мира сего не назовут его сумасшедшим...», и когда реальность Реальности этого
великого Мевляны проявилась в манифестациях, те, кто стяжал благодать Божью, сделались
его учениками, а те, кто пошел путем прегрешенья [против Истины], были брошены и поки-
нуты – ничего, кроме превратностей, не остается богооставленному; и, как сказано, не питай
неверия к праведным и устрасись бесстрашных боголюбивых, а не то терпенье таких людей
наверняка тебя уничтожит.

⁶ Архалук (тат.) – восточный стеганный полухалат. – Прим. пер.

Явление шестерых и цветы

Рассказывают также, что жена Мевляны, известная как Кира Хатун, которая благочестием и благонаправлением подобна была Матери Иисуса, поведала, что: «Как-то в один зимний день я видела Мевляну, приклонившегося головой на колено Шамса Тебриза. Я видела это в дверную щель его кельи; и тут я увидела, что с одной стороны стена в комнате отверзлась, и шестеро, внушавшие обликом благоговейный ужас, вступили в отверстие, и поклонились Мевляне, и положили перед ним букет цветов. Те шестеро пробыли там, пока не свечерело, и ни слова не было сказано.

Обратив внимание, что пришел час молитвы, Мевляна подал знак Шамсу встать и руководить молитвой; тот, однако, сказал, что не может в высшем присутствии этого сделать.

Итак руководил молитвой Мевляна, после чего те шестеро оставили его общество, вслед за тем как отбили нижайший поклон». Кира Хатун утверждала, к тому же, что она, став свидетельницей этих событий, лишилась чувств от страха и недоумения. «Когда я очнулась, — продолжала она, — я обнаружила, что Мевляна вышел из комнаты и подает букет цветов мне, говоря, что следует их сберечь. Несколько лепестков с этих цветов я отправила травникам для определения. Они, говоря, что за всю свою жизнь не видавали подобных цветов, спрашивали, откуда такие и как называются? И к тому же, все травознаи поражались аромату, краскам и нежности их зелени и соцветий и тому, как это было возможно получить такое цветение в разгар зимы».

Среди тех травников был один именитый ученый-ботаник, который ездил в Индию по торговым делам и доставлял обычно из той страны редкостные вещицы и диковинки. Он сказал, что эти цветы из Индии и что они не произрастают нигде, кроме как в этой стране, к южной ее оконечности, неподалеку от Сарандиба (Цейлон)⁷, и удивлялся, как это они добрались до Рума во всей свежести и красе? И он имел огромное желание знать, как они оказались в стране в такую пору. На это Кира Хатун не могла надивиться. Вдруг на месте действия появился Мевляна и сказал: «Береги эти цветы с неусыпной заботой и никому не открывай их тайны, ибо те Духовные Предводители, которые правят райскими пределами вокруг Индии, принесли тебе в дар эти цветочки для того, чтобы причастить тебя сокровенной жизни и добавить славы твоей целомудренности и богочестию. Бог да будет благословен, зорко береги эти цветы, чтобы никакого вреда не было тому, что подобно зенице твоего ока».

Как утверждают, Кира Хатун сберегала зелень и лепестки с большой заботой, за исключением тех, что, с разрешения Мевляны, уделила Кархи Хатун, жене султана. Сила их была в том, что у кого бы ни болел глаз, стоило потереть лепестками, тот мгновенно излечивался. Краски и аромат тех цветочек так и не поблекли и не выдохлись в силу духовных достижений сиятельных друзей, принесших их.

⁷ То, что сейчас Шри Ланка. — Прим. авт.

Духи и светильник

Рассказывают также, что в доме у них был поставлен высокий постамент, чтобы водружать на него светильник; и Мевляна всегда стоя читал возле него, с первых сумерек и до рассвета, мистические писания святого Бахауддина. Между тем однажды ночью компания джи-нн (джиннов – гениев, духов), обитавших в доме, пожаловалась Кире Хатун, что им стало невмоготу ночь напролет выносить свет и они боятся, как бы всем домочадцам не пришлось от них худо. Как оно и положено, это было передано женой Мевляне, который тогда ничего не сказал. На третий день он оповестил Киру Хатун, что теперь ей бояться нечего, поскольку все роптавшие сделались его учениками, и никому из его сородичей и друзей худо не будет.

Тайный поход на битву

Рассказывают также, что жил один мастер-мясник, известный как достославный Джалаледдин, который был из самых первых учеников Мевляны. Он был также человек, многоодаренный живым нравом и горячностью. Для одной из своих забав покупал он молодых жеребчиков и, выездив, продавал именитым людям. В конюшнях у него всегда стояло множество превосходных лошадей. Повествуют, что однажды у Мевляны в мозгу сверкнула весть из Неведомых Пространств, что на мир грядет великая катастрофа. «Чуть не сорок с лишним дней, – говорил Джалаледдин, – Мевляна, обвязавшись по поясу своим большим тюрбаном, бродил туда и сюда, не находя себе душевного покоя. Наконец, – продолжал мастер-мясник, – однажды я вижу, как в мой дом входит Мевляна с изрядно озабоченным Видом, и я поклонился ему, говоря «слушаю и повинуюсь», на что он велел мне оседлать для него скакуна из числа самых быстроногих коней. Втроем с большим трудом оседлав норовистую лошадь, мы подвели ее Мевляне. Вскочив в седло, он быстро помчался в сторону Киблы (на юг). Я спрашивал, могу ли я тоже ему сопутствовать, на что он ответил, что помочь ему надлежит лишь моральной моей поддержкой.

Глубоко под вечер я увидел, что он вернулся, вся его одежда была в пыли, а лошадь – могучих статей, как слон – так уезжена, что обессилела в невероятной степени. На другой день, – продолжал лошаадник, – Мевляна спросил другого коня, лучше прежнего, и, как и накануне, второпях ускакал и вернулся затемно. Конь был загнан до полусмерти, и я не посмел спросить о причине. Равно и на третий день, Мевляна пришел, спросил коня и, как и прежде, с неистовой быстротой умчался прочь. Однако, вернувшись ко времени вечерней молитвы, он уселся весьма довольный и в мире с собой и запел: "Желаю вам здравствовать, о вы, о мои друзья, кто поет, ибо псица ада снова ввергнута в ад", и я, изрядно убоившись Мевляны, не смел спросить о причине всего этого.

Через несколько дней, когда пришел караван из Сирии, мы узнали, что орда монголов причинила великие бедствия городу Дамаску; и, как говорили, это был Халаку (Хулагу) Хан, тот, кто в 1257 году силой меча взял Багдад и убил халифа, затем захватил Алеппо, а теперь стягивал рать к Дамаску; и что Мунко-Ка подошел под Дамаск, и когда их войска окружили город, жители Дамаска увидели, что Мевляна явился на помощь воинам ислама, вследствие чего они полностью победили монголов. Принесший нам эти новости вселил в нас веселье, и с радостью в наших сердцах мы пришли к Мевляне с тем, чтобы он сам разъяснил, что же случилось во время осады Дамаска, и Мевляна сказал: "Так, Джалаледдин, воистину это было"».

Богатый купец и дервиш с Запада

Повествуют также, что именитые спутники поведали, как однажды богатый купец из Тебриза приехал в Конию и, устроившись в доме одного торговца сахаром, спросил, кто из достойных богоугодных праведников проживал в том городе, дабы он мог пойти на поклон к ним и, прикладываясь к их рукам, стяжать добродетель через их благодать; ибо сказано, если кто отправляется в путешествие, то в месте своего назначения ему следует искать общества человека божьего. Ему ответили, то в их городе есть множество мужей набожных и благочестивых, но праведником из праведников был предводитель мудрых по имени шейх Садруддин, с которым мало кто сравнится в делах веры и мистическом знании. Несколько ученых мужей повели гостя к дому шейха Садруддина, и купец хватил с собой подарков для шейха на двадцать динаров.

Когда тебризский купец подошел к подворью шейха, он увидел толпу чиновников и челяди, предугадавших шейху во всех желаниях. При виде этого набожный купец изрядно опечалился и сказал себе, что пришел увидеть дервиша (кому не бывает дела до такой свиты и выставления напоказ), а не вельможу. Его провожатые утверждали, что вся эта показная сторона не оказывает на шейха воздействия, ибо он обрел цель мистического достижения; обилие сладкого не вредит врачующему недуг, но вредно страдающему недугом.

Купец, тем не менее, со значительной неприязнью вошел к великому шейху и сказал, что, вопреки большим денежным даяниям на неимущих и щедрой милостыне нуждающимся, он всегда испытывал денежные затруднения; и спросил о причине этого, и спросил средства против. Но шейх не преклонил слуха к его вопросам и прошению, в результате чего купец удалился от него с опечаленным сердцем.

На второй день он осведомился, нет ли в городе «какого другого великого праведника, от общения с которым я бы мог стяжать моральную и духовную пользу?», и ему было сказано, что есть еще один благочестивый и добродетельный муж – это Мевляна Джалаледдин Руми, предки которого были людьми учеными и благочестивыми на протяжении пятнадцати поколений, и «он денно и ночно предается молитве и созерцанию, и великому множеству мистических материй». Когда купец изъявил пылкое желание обратиться к такому человеку, друзья повели его к семинарии и дому Мевляны. В конец тюрбана купца провожатые увязали пятьдесят динаров и, подойдя к дому Мевляны, застали его глубоко ушедшим в ученые занятия. «Влияние», расходившееся вокруг Мевляны, погрузило новоприбывших в «изумление и ошеломление», а тебризский купец, стоило ему взглянуть на Мевляну, испытал на себе «влияние» такой силы, что разразился рыданиями.

Мевляна сказал: «Твои пятьдесят динаров приняты, но те двадцать (подношение шейху накануне) потрачены зря. Гнев Божий готов был обрушиться на тебя, но, по своему милосердию, Он привел тебя в эту семинарию, и отныне и впредь радуйся: невезенье не будет сопровождать твоим торговым сделкам». Купец весьма впечатлился от этих слов, поскольку своего сокровенного желания еще не высказывал.

Кроме того, Мевляна сказал: «Причиной твоих злосчастий было то, что однажды, идя по улице в краях западных франков, ты увидел великого франкского⁸ дервиша, спавшего у перекрестка. Чураясь его нищего облика и места, где он спал, ты переступил через него, как если бы из отвращения к его скудости. Сердце того святого человека было тем уязвлено. Итак, причина твоего нескончаемого злосчастия крылась в твоей заносчивости и неуместной гордыне. Иди испроси у него прощения, и возвесели его, и передай ему приветствие от меня».

На купца изрядно подействовала такая прозорливость. Мевляна спросил у купца, хочет ли он увидеть франкского дервиша сей самый час? И, говоря так, дотронулся до стены своей

⁸ Европейского. – Прим. пер.

монастырской кельи, отчего в стене обнаружилась некая дверь. Тут Мевляна пригласил купца посмотреть в эту дверь, и увидел купец тот самый перекресток, как его описал Мевляна, и увидел того спящего дервиша, как тогда.

Пораженный необычностью, купец, как безумный, разорвал на себе одежды и отправился в путь к месту, указанному Мевляной. Когда он добрался до того города в западных пределах Франкистана (страны франков), он отыскал то место у перекрестка и увидел франкского дервиша, спящего там, как тогда. Купец спешил с коня на приличествующем расстоянии, хлопоча и стараясь об уважении, и отбил поклон франкскому дервишу. Увидев купца, дервиш молвил: «Не в моей это власти, а не то я бы открылся тебе, еще и как сила Господня, разреши мне Мевляна открыть себя так, но подойди поближе!» Говоря это, дервиш с любовью обнял купца и облобызал его бороду, и притом добавил: «Узри теперь моего Наставника (Мевляну)». И купец увидел самого Мевляну, предающегося сокровенному слышанию, и возглашающего мистические тайны, и поющего стихи: «Право владенья за Ним; радуйся тому, что есть у тебя – будь сердоликом, или стань рубином, или оставайся только пригоршней праха: ищешь ты Верности или Неверности чрез желание (как бы там ни было). Скажи ты ему: "привергайся Истине", открой лик сердца, будь ты франк⁹». Позже купец, представ перед Мевляной, передал ему благопожелания того франкского дервиша и одарил многими подарками учеников Мевляны. Водворившись впоследствии в Конии, он стал одним из преданных учеников нашего Мастера.

⁹ Frank (англ.) – также означает искренний, открытый. – Прим. пер.

Горящие глаза

Рассказывают, что однажды вечером в доме Мойнуддина справлялось тайнодействие мистического слышания, и собралось большое собрание ученых мужей и святых праведников, и Мевляна восторгнулся духом и стал восклицать в мистическом экстазе. Через какое-то время он ушел в угол зала и встал там, и минуту погодя сказал, чтобы чтецы остановились. Все присутствовавшие там мудрецы подивились на такую просьбу; Мевляна, меж тем, погрузился в глубокое созерцание и, подняв потом голову, – глазные его яблоки, возбужденно пылавшие, рдели, как два шара, налитые кровью, – молвил: «Подойдите, друзья, и прозрите в моих глазах величье Божественного Света!» Почти никто не осмелился взглянуть в них; и кто отваживался на это у того в глазах меркло и он сразу терял дар зрения. Крик мистического блаженства исторгся у учеников. Затем Мевляна взглянул на Чалаби Хисамуддина и сказал ему: «Подойди, опора моя и мое упование; подойди, мой наивозлюбленнейший, мой царь – сущий мой царь, подойди ко мне!» Чалаби возопил возбужденный (от похвалы), и слезы покатались по его щекам. Кто-то, пересказывая это дело эмиру Таджуддину, наверное, стал оспаривать, были ли эти слова действительно о великих и прекрасных достоинствах Хисамуддина, или Мевляна попросту проявлял учтивость.

Между тем, когда это обсуждалось, появился Хисамуддин Чалабии, перехватив рассказчика, самобратился к Мойнуддину, говоря: «Хотя прежде слова в том смысле, который употребил Мевляна, действительно были не применимы ко мне, но только он (Мевляна) выговорил эти слова, как смысл их тут же мне сообщился, как гласит Святой Коран (сура Ясин):

Когда Он рождает какое-либо намерение,
Ему достаточно
повелеть, сказав: «Будь», – и оно уже есть.

Действие слов Мевляны (хотя их нельзя приравнять словам Господа, однако, образно говоря) – непосредственно и не зависит ни от каких объяснений, в них и не нуждаясь. Как гласит стих:

Считают, что медь всегда претворяется
в золото философским камнем – но сей
философский камень обратил медь в сам
философский камень.

И так же для милости Мевляны к друзьям и ученикам вполне под силу было разбудить подобные достоинства в природном складе его учеников. Те, кто усомнились в его мудрости, после этого объяснения понурились от стыда и, удостоверясь в истине, воздали Мевляне благодарностью. Еще одним наводящим оторопь свойством Мевляны было то, что никто не мог с ним встречаться глаза в глаза, ибо глаза его горели столь ярко, что, кто бы ни повстречался с ним взглядом, невольно потуплял взор.

Рассказывают также, что главный над учителями семинарии, некто по имени Мевляна Шамсуддин Малти (да благословит Аллах его душу!), один из именитых учеников нашего Мевляны, поведал, что однажды он пребывал в саду мудреца Хисамуддина вместе с другими, находившимися с Мевляной, и Мевляна, погрузив ноги в бежавший ручеек, обращал исполненную тайного смысла речь к собравшимся; в особенности он восхвалял великие мистические способности Мевляны Шамса Тебриза.

Один из учителей семинарии, известный как Бадруддин Валид, под впечатлением от слов, сказанных Мевляной о Мевляне Шамсе из Тебриза, испустил вздох и сказал: «Горе мне, горе!» Мевляна, услышав это, спросил: «К чему эти вздохи и признаки грусти, и что у тебя за повод выражать подобные чувства?» Человек посетовал, что опечален тем фактом, что ему не посчастливилось встретить Мевляну из Тебриза. И стяжать еще большего для себя света от этого сиятельного Светоча мистицизма! Мевляна помолчал, выслушав объяснение, а затем сказал: «Хотя ты и не подступался к Мевляне Тебризу, ты добрался до порога того, на каждом волоске которого – сто тысяч Тебризов, и все еще дивишься на идущие от Тебриза могучие волны оккультных влияний!» Он продекламировал: «Шамсуддин, покоривший царство нашего сердца; в него наша жизнь погружена». Все бывшие там вновь радостно встретили это упоминание о великом мудреце, который не присутствовал среди них (и, однако, занимал столь большое место в их мыслях), и затем Мевляна прочитал несколько строк из своего стихотворения:

Сорвалось вдруг с уст моих имя
Розы и сада Роз,
Тут он пришел -
И наложил свою руку
Мне на уста, и сказал:
«Я-царь:
Сердце Сада Я.
О сиятельный,
Если тянешься приравняться мне,
То и помни всегда обо мне».

Рассказывают, что из-за этой встречи Бадруддин занемог на целых сорок дней, и, испросив прощения, избыл немощь, и крепко привязался Мевляне.

Книги и скрытый в книгах глубокий смысл

Так, шейх Махмуд рассказывал, что однажды кади Мевляна Изуддин, бывший министром султана Кай-Хустро, построил мечеть в Конии и придал ей имя Мевляны; и он, муж даровитый и праведный, спросил однажды нашего Мевляну: «Какое бы знание ты ни приобрел, мы тоже штудировали по тем же самым книгам; но то, что ты "получил" из них, и то, о чем ты ведешь речь, настолько превыше нас... и что это могло бы значить?» Мевляна ответил: «Да, это правда. Но с одной-двух страниц Книги мудрости Аллаха, которые пока что дошли до вас, мы-то кое-что впитали: "Дело сие совершается по милости Божьей, Он удостоивает того, кого пожелает". Стих гласит:

Мудрость, даруемая звездой Зохал [Сатурн],
Не под стать нашему проницанию,
И Утарид [Меркурий], и Зохал, вместе взятые,
Также могут приобщать человека знанию.
Но Бог нас благословил
Наличием духа,
И существо наше прожилено
Знанием Упования,
Итак, познание мудрости Бога -
Наша единственная стезя и Упование».

Вслед за чем достославный кади, ошеломленный, разразился рыданиями.

Мистический танец

Рассказывают также, что кади Изуддин был против танцев и музыки, которые наводят на людей мистические состояния. Однажды Мевляна, сильно вознесшийся в духовном восторге, вышел из Семинарили в момент наивысшего подъема сокровенной музыки. Он пошел к кади и громко звал его, приглашая в собрание, где восхваляли Бога, и, подталкивая вперед, привел его в собрание тех, кто любит Господа, как и следовало поступать с человеком, если он непричастен мистическому опыту. Тотчас же он (кади) в порыве экстаза разорвал на себе одежды, и, подобно другим, зашелся мистическим пением, и заплясал, закружился кругом, и закричал в возбуждении; и кончилось тем, что он стал одним из лучших учеников Мевляны.

Путь

Так же рассказывают, что кади Кониин, некто Изуддин, кади Амазии и кади Сиваса (все – мужи, благочестия и знания) однажды спросили у Мевляны, что такое его Путь, и он ответил: «Это и есть мой Путь, и просветление получит тот, кто ему следует», подразумевая, что метод его мистической практики – и есть путь, по которому могут идти другие и под его водительством стяжать для себя просветление; этим, на самом деле, он подчеркивал, что Суфийский Толк не имеет «учебников», и что мюрид, или духовный проводник, и есть тот, кто ведет учеников к оккультной цели. Все эти трое спрашивавших стали его учениками.

Попугай и лысый

Далее рассказывают, что, когда кади Аданы построил мечеть и придал ей имя Мевляны, то другой кади попросил нашего Мевляну сказать слово после начальной молитвы в новой мечети, на церемонии открытия которой он роздал множество денег в знак своей щедрости. Мевляна произнес проповедь, где речь шла о некоей птице, что была лысой (и из этого образного иносказания вывел наглядный пример для слушающих). В завершении собрания великий святой Камалуддин превознес Мевляну за умелое повествование, поданное с такой тонкостью и тактом, что острота его не уязвила тех собравшихся, кто был лыс; ибо лысыми были оба кадия, и они руководили собранием, но ни один из них не почувствовал себя и в малой степени уязвленным.

Ссора

Подобным образом рассказывают, что однажды Мевляна, идя по улице, услышал, как двое, занятые неистовой перебранкой, забрасывают друг друга скверными ругательствами. Мевляна слышал, как один из них говорил другому: «Скажи мне одно худое слово, я верну тебе тысячу таких же в ответ». Мевляна подошел к ним и сказал: «Давай, друг, обрушь свой гнев на меня, ибо, если ты бросишь мне тысячу ругательных слов, от меня не услышишь ни одного!» Итак, эти двое оказались пристыжены и помирились через это мудрое слово.

Ученый педант и колодец

Повествуют затем, что Мевляна Шамсуддин Малти (да благословит Аллах его душу!) рассказывал, что однажды некий ученый муж пришел Мевляне со своими учениками под предлогом того, чтобы принести благие пожелания великому святому, но про себя также надеясь испытать знание Мевляны и задать ему некоторые вопросы. Школяры, конечно, изначально полагали, что все, чему можно научиться, они обретут «в лоне» собственного учителя, и хотели только попытать глубину достижений нашего Мевляны.

Мевляна, угадав их мотивы, приветливо встретил гостей и обратил к ним речи о различных предметах; и потом, имея привычку указывать то, на что хотел указать, он привел им образное иносказание о двух молодых богословах.

Один был ученым грамматиком, другой – лишь «путником» мистического пути, хотя и сведущим в обычном религиозном знании. Вместе они пошли прогуляться, и в разговоре тот, что не придавал слишком большого значения просто словам проговорил какое-то слово со слегка непривычной флексией. Грамматик принялся спорить, говоря, что, поскольку он большой знаток (а был он весьма надменен от своих познаний, приобретенных только из книг), то не допустит подобного словоупотребления. Долгое время они препирались, и ни тот ни другой не заметили сухого колодца, и грамматик провалился туда. Он стал упрашивать товарища его вызволить. Тот сказал, что вытащит, если только он бросит спорить, но грамматик и не думал сдаваться, и с упорством настаивал на превосходстве своих познаний. Другой попросту оставил грамматика там, где он был, и пошел дальше своей дорогой.

Излагая эту притчу, Мевляна сделал выразительное ударение на теме гордыни и бахвальства, и сказал: «Пока не уйдешь от этого "упорства" в самовозвышении, так и будешь оставаться в колодце темноты (темноты, зримой для других, но не для самого себя) – самоуправное эго сравнимо с тьмой колодца, куда провалился грамматик, и из этого состояния рождается излишнее чувство собственной значимости». Выслушав и оценив мистический смысл этого рассказа, гости изрядно впечатлились и стали учениками Мевляны.

Дервиш и верблюд

Рассказывают также, что однажды собравшиеся в присутствии Мевляны воздавали хвалы правителю местности, некоему Мойнуддину, говоря, что в его правление каждый испытывал материальный комфорт и благополучие и что его щедрость была велика. Мевляна отвечал, что это правда, и правда стократ; но что у жизни есть и другая сторона (имея в виду, что простого физического руководства недостаточно, и что духовное предводительство имеет свое почетное место), и поведал историю.

Однажды караван паломников шел на поклонение в Мекку, когда верблюд одного дервиша, шедшего среди них, заболел; и что они только ни делали с ним, верблюд ни за что не подымался. (Дервишу, очевидно, предоставили ехать верхом из вежливости, своего выюка у него не было), так что остальные, развьючив больного верблюда, распределили его груз между другими верблюдами и оставили того дервиша налегке (без верблюда). Мевляна сделал ударение на том, что каравану был нужен дервиш, и продекламировал следующие строки:

Ты возьми с собой проводника,
Ибо без него
Этот путь опасен, -
Я назвал проводника
Счастливою Звездой;
Ибо ведет тебя
Не возраст его,
Но его сокровенное знание.

Осел

Рассказывают также, что однажды, когда Мевляна держал речь в семинарии, изыясняя глубокий смысл многих тайн, он спросил свой класс, состоящий из школяров и собственных учеников, понимают ли они, почему в Святом Коране сказано: «Из всех криков рев осла наихудший»?

Мевляна сказал: «Большинство животных и тварей, издавая звуки, молятся и воспевают хвалу Богу: таков ор верблюда и верблюдицы, таково жужжание пчел, зудение осы; но не для этой цели ревет осел. Он подает голос только по двум поводам: когда оголодает и когда вожделеет случки. Так и человек, – добавил Мевляна, – в чьем сердце Божественная любовь не находит места. По сути, он – существо ничтожнее, чем осел». И он прочитал стихи:

Чьи аппетиты
Подобны ослиным,
Тот ничтожней осла!
Если ты не ведаешь
Пути,
Поступай тогда
Наперекор всему,
Чего хочет осел.

Потом он рассказал историю о царе, который просил другого владыку прислать ему самое скверное из еды, человека наихудшего сорта и самое скотское из животных. Царственный его брат послал царю снеди с гнильцой, армянского раба и осла. В письме он привел стих из Корана, где говорится, что наихудший звук – это рев осла.

Повествуют также, что как-то Мевляна и его друзья направлялись к саду Чалиби Хисамуддина и Мевляна восседал верхом на осле. По поводу своего верхового животного он заметил, что следует святой практике езды на осле, поскольку на ослах ездили некоторые пророки – такие, как Сиф, Ездра и Иисус. Стих:

Верхом на осле, без сбруи, ездил
Ты, о мудрый,
Ибо на ослах невзнузданных ездили
Посланники Божьи.

В это же время святой Шахабуддин тоже ехал на ослике, и ослик взялся реветь. Осердясь на ослиный крик, Шахабуддин стал бить его по голове, на что Мевляна укорил его, говоря: «Не бей его, но восхвали Господа, что ты на нем верхом, а не он на тебе». Шахабуддин устыдился и в наказание себе спешился и поцеловал ослиные копытца. Мевляна притом заметил: «А как многие люди побуждаются теми же позывами, то, по справедливости, побить пришлось бы большинство из них».

Житейское несчастье

Рассказывают также, что как-то раз пришел к Мевляне один человек и принялся горько сетовать на свои житейские убытки и на то, что бедность преследует его по пятам. Мевляна дал ему совет сторониться своего общества и добавил: «И близко к нам не подходи, подальше от нас и от таких, как мы, отступись, чтобы к тебе могло подступиться мирское счастье», и Мевляна продекламировал:

Приди и приравняйся мне,
О ты, о благородный,
И не ищи
Ни вершин, ни глубин
Обреченных на тлен вещей.
Ибо окажись Дьявол соткан
На этот фасон -
Его украшал бы
Царский венец
И облекали бы ризы мудрецов.

Повествуют также, что Пророк Мухаммад однажды сказал одному из тех, кто ему сопresentствовал: «Носите железные рукавицы, и жалуйте напасти судьбы, и приготовьтесь терпеть тяготы; ибо хмурое чело житейского счастья – это как подарок тому, кто любит Господа».

Поведал Мевляна, что как-то раз мистик задал вопрос богачу: что ему больше любезно, грех или деньги? Богач ответил, что деньги ему любезней. Мистик сказал: «Не правду ты говоришь, ведь богатства свои ты оставишь и возьмешь с собою свои дела. Сделай что-нибудь, – продолжал мистик, – чтобы взять с собой самое для тебя любезное (деньги), – и потратишься на благодеяние и милостыню, дабы ты мог послать свои богатства Богу вперед себя до того, как сам предстанешь перед Ним: ибо в Коране написано так: "И то доброе, что вы заранее для себя отправите, это найдете у Бога, и это лучшая и величайшая награда"».

Почетное место

Рассказывают далее, что однажды множество близких друзей и мужей благочестивых и знающих званы были святейшим Моинуддином к нему во дворец, и уже все расселись на почетных местах, как пристало им по рангу учености. Но верховный правитель изъявил пожелание, чтобы и Мевляна украсил собой этот праздник. За Мевляной послали Муджададдина, зятя правителя. Тем временем в достойном собрании возникло замешательство на тот счет, где же будет сидеть Мевляна, ведь все почетные места заняты. Каждый, в согласии с чувством собственного достоинства, так рассудил, что, когда Мевляна придет, он просто сядет, где окажется место (никто из них, будучи сам именитой особой, и не думал поступаться своим почетным местом). Посланный за Мевляной в подобающих выражениях передал приглашение. Мевляна, взяв с собой святого Чалиби Хисамуддина и других друзей, направился ко дворцу.

Последователи Мевляны шли впереди. Как только святейший Хисамуддин вошел в дом, все великие мудрецы уступили ему почетные места. Мевляна пришел попозже, и правитель поспешил ему навстречу и приложился к его руке в знак почтения. Видя, что все почетные места уже заняты вельможеством, Мевляна просто поприветствовал всех и сел на место позади главного дастархана¹⁰.

Святейший Чалиби Хисамуддин, видя, что Мевляна сидит не за дастарханом, сошел со своего места и сел возле Учителя. Заметив это, другие именитые мужи тоже перешли туда, где сидел Мевляна (но те, кого заедала зависть признать величие Мевляны, сиднем сидели на своих высоких местах). В числе этих пересевших были шейх Насируддин, сеид Шарифуддин и люди вроде него, каждый из них по праву считался высоко ученым мужем, как если бы проштудировал целую библиотеку книг. Как говорят, среди них Шарифуддин отличался высокими достоинствами и знаниями, однако отчасти был простоват и малость поспешен в своих речах. Посему, видя, что Мевляна перетянул к себе большинство из почетного ряда, где теперь все места опустели, он спросил: где же место главнейшего гостя и кого действительно надлежит почитать главой собрания?

¹⁰ Дастархан (перс.) – в Средней Азии и некоторых странах Востока: скатерть, сервированный стол с угощением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.